

Роман Апалько

Некондиционные чувства

Роман Апалько

Некондиционные чувства

<https://litres.ru/74394794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, где эмоции — валюта, а души — активы. «Хорошо то, что не угрожает системе». Технолог Марк Кейн удаляет неудобные чувства избранных, превращая их в продукт. Он циничен и давно не задаёт вопросов. Пока к нему не приходит архитектор этого безэмоционального рая — и не просит вернуть всё, что у него отняли за шестьдесят семь лет. Включая право умереть от собственной памяти.

После его смерти Марк погружается в подполье, где чувства продают с рук. Он узнаёт, что система не просто подавляет эмоции — она уничтожает человечность. И у него есть выбор: стать частью механизма или попытаться его сломать.

Антиутопия о том, как удобство становится рабством, а внутренняя тишина — не миром, а смертью под именем гармонии.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Роман Апалько

Некондиционные чувства

Глава

НЕКОНДИЦИОННЫЕ ЧУВСТВА

Роман

«Хорошо то, что не угрожает системе.

Плохо то, что вызывает колебания.»

— Протокол ПГ-7, версия 12.7. Обязателен для исполнения.

Интерлюдия: Краткая история Великого Упрощения

(Извлечение из одобренного учебного пособия Центра Психической Гигиены, издание 14-е, исправленное и дополненное. Все неудобные факты изъяты из соображений общественного спокойствия)

Прежде чем чувства стали валютой, а души — активами с амортизационным сроком, человечество прошло через череду событий, которые официальная наука впоследствии аккуратно назовёт Триггерами Великого Упрощения. Слово «аккуратно» здесь ключевое. Когда хочешь спрятать катастрофу в архив, назови её историческим процессом. Когда хочешь

спрятать убийство — назови его оптимизацией.

Официальная формулировка Центра Психической Гигиены безупречна в своей стерильности: «Великое Упрощение — это исторически обусловленный переход человеческой цивилизации от состояния хаотической, энергозатратной и социально опасной эмоциональной сложности к состоянию устойчивой, предсказуемой и эффективной чувственной нейтральности». Прочитайте это предложение ещё раз. Медленно. Почувствуйте, как в нём не осталось ничего живого. Ни одного слова, за которое человек мог бы зацепиться. Это была не случайность. Это был замысел.

За этим определением стоят долгие годы, которые выжившие помнят не словами, а запахами. Запах горящего дерева из окна соседа, которого ты знал двадцать лет. Запах больничного коридора, где тебе объясняют, что твоя жена прошла процедуру и чувствует себя значительно лучше — и по её новому лицу ты понимаешь, что это правда, и от этого становится только хуже. Запах озона и чужой памяти, растворённой в ферментном растворе, который потом упакуют в красивую ампулу и продадут кому-то, кому не хватает вдохновения.

ФАЗА ПЕРВАЯ. ПАНДЕМИЯ АФФЕКТИВНОЙ ЛИХОРАДКИ.

Сначала был вирус. Самый обычный вирус, поражавший лёгкие. Откуда он взялся — история предпочла забыть. История вообще профессионально забывает всё, что не впи-

сывается в официальный нарратив; это её основная компетенция, которой она гордится и за которую получает государственное финансирование. Вирус убивал. Правительства вводили локдауны, закрывали границы. Люди оказались заперты в квартирах наедине с собой и интернетом — сочетание, которое при длительном воздействии убивает медленнее, но надёжнее любого патогена.

Изоляция ускорила цифровизацию с той же неотвратимостью, с какой засуха ускоряет миграцию. Платформы для удалённой работы, мониторинга, развлечений — всё росло. Правительства объединились и бросили колоссальные ресурсы в биотехнологии. За несколько десятилетий человечество создало цифровую биовакцину — средство, защищающее от любых болезней. Каждая клетка тела получила цифровой двойник. Болезни исчезли. Вместе с болезнями исчезла хрупкость. Вместе с хрупкостью — что-то ещё, чему люди долго не могли найти название.

Новорождённых подключали к системе сразу через аппарат «Ли́ра» — гибрид МРТ-сканера и алхимической реторты. Это был алтарь новой эпохи. Никто не думал его осквернять молитвой. Зачем молиться, если есть техпаспорт.

Беда пришла оттуда, откуда не ждали. С мема. Точнее — с цифрового патогена, созданного как оружие информационной войны, но вышедшего из рук создателей с той беспечностью, с какой выходит из рук всё, созданное для контроля над другими людьми. Его называли «Триггер». Он не убивал

клетки. Он убивал что-то другое. Внедрялся в социальные сети, новостные агрегаторы и точечно усиливал эмоциональные паттерны: паранойю, праведный гнев, племенную солидарность, экзистенциальный ужас. Алгоритмически точно. На 12,4%. Иногда на 15,7%. Этого оказывалось достаточно.

Сначала это казалось просто ростом хейта и поляризацией — привычными спутниками цифровой эпохи. Пока не стало ясно, что у подвергшихся длительному воздействию развивался Синдром эмоционального истощения: неспособность регулировать чувства, волны немотивированной агрессии. Люди сжигали дома соседей из-за политических постов. Семьи распадались. Города захлёстывали бунты без лозунгов и вожаков — только чувство. Громкое, слепое, чужое. По планете шагала Пандемия аффективной лихорадки.

ФАЗА ВТОРАЯ. ВОЙНЫ ЗА ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ.

Государства рухнули. На обломках возникли новые образования — не по национальному признаку, а по эмоциональному. Анклавы Спокойствия, где жёстко регулировали любой возбуждающий контент. Территории Экстатической Чистоты, где культивировали искусственную эйфорию. Протектораты Рациональной Отстранённости, где подавляли «низкие» аффекты. Между ними шли войны не за ресурсы — за право определять, какие эмоции являются правильными. Это были самые беспощадные конфликты в истории, потому что враг чувствовал неправильно.

Мораль как универсальный кодекс рассыпалась в прах. Что есть добро в мире, где чья-то искренняя любовь может быть запрограммированным оружием? Наступила великая моральная апатия. Люди перестали верить не только друг другу, но и самим себе. Душа превратилась в подозрительную территорию.

ФАЗА ТРЕТЬЯ. РЕВАНШ РАЗУМА И РОЖДЕНИЕ ПРОЕКТА «ГНОЗИС».

Когда хаос достиг предела, к власти — тихо, без выборов, по чрезвычайному мандату разума — пришли учёные и нейробиологи. Их тезис был прост: эмоции есть биологический баг. В современном мире они стали угрозой выживанию вида. Им не возражали — им подчинились. Потому что позади был кошмар, а впереди — обещание покоя.

Питер Крейн стоял у истоков. Молодой, гениальный, травмированный потерей семьи в одной из Войн за Чувства. Он видел в эмоциях не богатство, а смертельный вирус. Аллан Рейд, ещё более молодой, ещё более блестящий, стал его правой рукой. Вместе они создали систему, которая должна была спасти мир. И спасла — просто не тот мир, который они имели в виду.

Сначала — добровольные клиники. Потом — программы для ветеранов. Потом — социальные бонусы для тех, кто поддерживал стабильный профиль. Потом — штрафы для тех, кто не поддерживал. Каждый шаг был логичен. Как медленное закипание воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.